

Герои
олимпийских
игр

Владислав ТРЕТЬЯК

Владислав ТРЕТЬЯК

Великолепно сыграл Третьяк. Он несколько раз спасал ворота от верных голов. Ф. Маховлич не мог скрыть своего восхищения этим молодым голкипером. Он сказал: «Каждый раз, когда я пытаюсь атаковать его ворота, мне кажется, что Третьяк наперед знает любое движение, которое я хочу предпринять. Словно мы с младенчества играли друг против друга».

Из книги Ж. Терру
«Вбрасывание века»

Автор-составитель
В. СНЕГИРЕВ

Художник
А. ЛИТВИНЕНКО

Фото
М. БОТАШЕВА
А. БОЧИНИНА
Д. ДОНСКОГО
С. ЛИДОВА
Ю. СОКОЛОВА
Н. СЛЕЗИНГЕРА
АПН

ТРЕТЬЯК

20

Cooper

HM 30

Cooper
MADE IN CANADA
HM 30

По-своему прекрасен каждый вид спорта. Каждый может околдовать и заразить азартом. Честное соперничество храбрых и сильных людей, страсть борьбы, мастерство и воля спортсменов — не это ли зовет нас на стадионы и в спортивные Дворцы? По ним — чемпионам и рекордсменам — человечество сверяет свои эталоны физического совершенства, гармонии. Они — лучшие из лучших — словно маяки для миллионов и миллионов молодых людей. Их прежде всего имеем мы в виду, когда называем спорт неотделимой частью нашей общей культуры.

Герой нашего повествования играет в хоккей. В игру, ставшую, если хотите, одним из символов нашего динамичного века. Здесь страсти брызжут через край. Здесь атлеты как раз и проявляют все те качества, что воспитывает спорт! Вокруг маленького каучукового кругляша развертываются баталии, за которыми затаив дыхание следит полмира. Герои хоккейных битв популярны всюду. И наш рассказ — об одном из них.

Он — вратарь. В составе сборной команды Советского Союза дважды побеждал на Олимпийских играх — в Саппоро и Инсбруке. Пять раз становился мировым чемпионом. Он из тех людей, что составляют золотой фонд советской молодежи.

...«Должность» хоккейного голкипера, возможно, самая загадочная в спорте. Вратарь, будто средневековый рыцарь, весь закован в тяжелые доспехи. В руке, как меч, широкая клюшка. Чтобы спасти от гола собственные ворота, ему непрерывно приходится совершать отчаянные выпады, броски за шайбой. Вратарь всегда в гуще сражений. Все шестьдесят минут, без права на передышку. Шайбы, словно свистящие снаряды, летят в ворота, и он, не дрогнув, должен их поймать, отбить, подставить под чей-то «выстрел» собственную грудь. Вы слышали, как бухает о борт пролетевшая мимо ворот шайба? На бортах от этого — вмятины. Вратарь тоже слышит. Но разница между нами и им заключается в том, что при этом он не втягивает голову в плечи...

Кто же скрывается за маской? Человек без нервов? Бездушный автомат? Робот? Он еще снимет свою маску, наш герой. Мы сможем поговорить с ним, оценить его человеческие качества, заглянуть в тайны его изумительного мастерства. А пока давайте, читатель, не мудрствуя лукаво сделаем первый и очень важный для нашего повествования вывод. Чтобы твердо стоять в воротах под градом шайб, мало быть просто смелым. Ледовый голкипер — это храбрейший из храбрых.

Владиславу Третьяку сегодня двадцать шесть. Половину своей жизни он защищает ворота. Можно бы написать: половину жизни он — вратарь, но закрыть лицо маской и встать на линии ворот еще не значит сделаться вратарем. Ох, какую трудную школу надо пройти вначале!

Давайте представим, что мы попали на пресс-конференцию Владислава Третьяка. Журналисты дотошно расспрашивают знаменитого вратаря обо всем, что касается его биографии, его хоккейного дарования.

— Кем вы хотели стать в детстве?

— Военным летчиком. Наверное, потому, что летчиком был мой отец.

— Помогала ли вам ваша феноменальная реакция за пределами хоккейной площадки?

— Пару раз она выручала меня во время езды на автомашине по скользкой дороге.

— Какой вид спорта вы считаете самым трудным?

— Мне кажется, это лыжные гонки.

У Виктора Коноваленко Третьяк учился выдержке и мастерству

— Что вы можете сказать об атлете, который не завоевал первого места, но при этом отдал борьбе все силы, выложился «до донышка»?

— Его нельзя упрекнуть. О таком я могу сказать, что это настоящий спортсмен.

— Снятся ли вам «хоккейные» сны?

— Никогда.

— Можно ли вас вывести из равновесия?

— Видимо, да. Только как это сделать — я не знаю.

— Доведись начать все сначала, избрали бы вы опять роль хоккейного вратаря?

— Дайте подумать...

Он волнуется, на его щеках проступает румянец, голос становится звонче обычного. Корреспонденты, плотно обступившие Третьяка, внимательно рассматривают его, стремясь понять, как этому молодому парню удалось стать одним из самых прославленных героев современного спорта.

Он высок, широкоплеч и строен. Голубые глаза смотрят приветливо и добродушно. Лицо человека, который улыбается чаще, чем хмурится. Голос по-юношески чист. А где шрамы, которые считаются отличительным знаком доблести хоккейных вратарей? Странно, но их не видно. Сейчас мы спросим у Третьяка насчет шрамов. А интересно, сколько бросков он парировал сегодня? И что он еще умеет, кроме хоккея, в котором достиг таких необыкновенных высот?

Воспользуемся общительностью Третьяка — спросим его и об этом. Воспользуемся теми редкими минутами, когда он, сняв маску, поставил в угол свою тяжелую клюшку и может перевести дух. Он никогда не отказывает журналистам в интервью, а детям — в автографах. Огорчать кого-либо вообще не в его привычках. Не потому ли в таком почете Третьяк у детворы? Вот что мальчишки пишут о своем кумире:

«Владислав Третьяк — гордость всех советских людей».

«Он, как Илья Муромец, выходит в своих доспехах на лед. Пока есть у нас Третьяк и его товарищи, наш хоккей будет непобедим».

«Когда он стоит в воротах, жизнь кажется еще прекраснее».

«Все движения Третьяка на льду по-настоящему красивы. Его манера — это классика вратарского искусства».

«Он умеет сделать наш хоккей загадкой, разгадать которую не могут даже канадские профессионалы».

«Я непосредственно с ним не знаком, но Владислав кажется мне родным и близким, как брат».

Стать кумиром даже у детворы не просто. Но в тысячу раз труднее, добившись славы, остаться самим собой. Увы, далеко не всем это удается. Ему удалось.

Однако вопрос задан. Журналисты ждут. Избрал бы он снова роль хоккейного вратаря?

Что ответит Третьяк? Ведь боль от ударов шайбы не проходит долго. И после матчей сердце колотится, словно хочет выскочить из груди.

«Напряжение — вот имя нашему вратарскому ремеслу», — сказал ему знаменитый Жак Плант во время их встречи в семьдесят втором году. Канадец вспомнил своих товарищей, тех, кого это чудовищное напряжение привело к язвенной болезни, тех, которые стали неврастениками. Третьяку было тогда двадцать лет, и выглядел он скорее юношей, чем мужчиной. Плант пожал ему руку, испытующе посмотрел в глаза. Интересно, о чем он тогда подумал, этот великий укротитель шайб? Может быть, пожалел?

Хоккей суров прежде всего к вратарям

Завтра мальчишке впервые предстояло сразиться с профессионалами. Фил Эспозито завтра его не пожалеет. Но ведь ты выиграл тогда тот матч, выиграл вместе со всей советской сборной, впервые развеяв миф о непобедимости профессионалов. Остановись и вспомни.

2 сентября 1972 года. Монреаль. Беснующиеся трибуны «Форума». Утром ты прочел газеты: «Мы съедем их сырыми», «Мы заберем этим русским столько шайб, сколько попросят зрители», «Мы их всех перебьем, на третий период им некого будет выставлять»... А через два часа все было кончено. 19 тысяч зрителей молча — это напоминало шок — наблюдали, как их любимцы стыдливо покидают площадку.

Молчание трибун громом разнеслось по миру: любители победили профессионалов! И ты был одним из главных героев того памятного для истории спорта матча. И всех остальных матчей с профессионалами — тоже.

— Не боль осталась в памяти, а слепящий миг победы. До сих пор, как вспомнишь те дни,— озноб по коже.

...Два года спустя лучшие бомбардиры ВХА в отчаянии ломали о борт свои клюшки после того, как Третьяк без видимых усилий отражал их броски, те самые броски, которые еще вчера называли «смертельными». Теперь газеты изменили тон: «Мы встречаемся с величайшей хоккейной командой мира», «Советский вратарь — спрут на коньках», «Отныне мы знаем, что такое железный занавес. Это Владислав Третьяк».

Третий матч со сборной Всемирной хоккейной ассоциации наша команда проводила в Виннипеге. Этот матч мог стать переломным во всей серии. Накануне сборная СССР провела традиционное комсомольское собрание. О чем говорят хоккеисты, оставаясь с глазу на глаз во время таких собраний? Об ответственности каждого из них перед советским спортом, перед болельщиками, перед нашим славным хоккеем, честь которого им доверили отстаивать.

«В моменты тяжелых испытаний нам бывает необходимо встретиться друг с другом, посмотреть друг другу в глаза,— считает Третьяк.— Такие собрания значат для команды очень многое».

Волнение было столь сильным, что Владислав, выходя на каток, почти не слышал рева трибун. Занял свое привычное место. Пришла собранность. Он по обыкновению помахал по льду клюшкой, словно расчищая в площади ворот только одному ему видимый снег: Лед был плоской — пузырчатый какой-то и весь в лужах. Странным это показалось Третьяку: ведь профессионалы до тонкостей знают все, что касается хоккея, и обычно катки у них залиты — не придерешься. Перед матчем еще успел подумать: «Может быть, специально подпортили лед, чтобы помешать нашей комбинационной игре? Когда шайба застревает в лужах, филигранный пас уже не дашь».

Канадцы сразу бросились на штурм. Но их атаки были бесплодны и, как волны о гранит, разбивались в зоне советской сборной. Наши форварды, почувствовав надежность обороны, смело пошли вперед. Недаром говорят, что умелый вратарь — это половина команды, что своей геройской игрой он вселяет уверенность в нападающих, дает им возможность наступать без оглядки. Недаром говорят, что опытный вратарь может выиграть матч. Встречи с канадскими профессионалами, в которых ворота сборной СССР защищал умелый, опытный и стойкий вратарь,— лучшая иллюстрация этому.

Он не гипнотизирует шайбы. Если Третьяк и занимается внушением, то это самовнушение. «Ты должен сыграть хорошо,— говорит он сам себе. — Ты просто обязан не пропустить гол»

Решающим в том матче в Виннипеге оказался второй период. Шайба после одного из бросков попала Третьяку в живот. Он упал и на какое-то мгновение потерял сознание. В глазах потемнело, к горлу подступила тошнота. Очнувшись, взглянул на нашу скамейку: тренеры привстали, с беспокойством и надеждой смотрят на него. На него много раз смотрели с надеждой. Выручай! Кривясь от боли, Владислав поднялся со льда и кивнул: играю. В перерыве между периодами доктор тщетно пытался утихомирить острую боль.

О чем думал тогда Третьяк? Может быть, он вспомнил другого вратаря — того, кто до него носил на хоккейном свитере двадцатый номер? Виктор Коноваленко не раз преподавал ему уроки мужества. Вот кто умел сражаться ради победы до самого конца! Мы не знаем, о чем думал Третьяк. Только он снова вышел на лед. Все было как в тумане: оружие трибуны; Хендерсон с перекошенным лицом, снова и снова атакующий его ворота; табло, кажется слишком медленно отсчитывающее секунды... Но он выстоял. Помог команде. Сборная СССР победила в этом матче, а Владислав мог записать в свой актив победу двойную — над канадцами и над самим собой. И только он сам знает цену этой победе.

Потом была «суперсерия», когда два ведущих советских клуба встречались с командами НХЛ. И снова газеты пестрели: «Владислав Третьяк вновь произвел сенсацию», «Во время матча с «Монреалом» любому другому вратарю пришлось бы вынимать из своей кожи осколки шайбы, как шrapнель. Любому другому, но только не Третьяку».

Однажды его спросили, почему все свои лучшие матчи он провел против профессионалов. «Чем сильнее соперник, тем увереннее я чувствую себя в воротах», — ответил Владислав.

Но все же — стал бы он вратарем, доведись начать все сначала? Когда-то, на заре хоккейной карьеры, Владу пришлось выступить за юношей ЦСКА в роли форварда. Так получилось, что кто-то заболел и надо было выручать. В двух матчах на первенство Москвы сыграл нападающий Третьяк и в каждом забросил по шайбе. Однако, когда товарищ выздоровел и вернулся в строй, Владик без колебаний снова взял в руки свою вратарскую клюшку. Наверное, к тому времени он понял, что уже нашел свое спортивное призвание.

...Иногда, случается, стоит ему закрыть глаза, и в памяти всплывают картинки: мчатся на него Бобби Халл и Фил Эспозито, Владимир Мартинец и Иржи Холик... Картинки сменяют одна другую. Скрещиваются коньки и жаркое дыхание. Порыв и ярость. Они, эти знаменитые форварды, хотят запугать и ошеломить вратаря. Обмануть. Уложить на лед. И забросить, затолкать шайбу. Никто не жалеет вратарей. Смысл игры в том, чтобы шайба затрепыхалась в сетке.

Но если память и возвращает его назад, то не для того, чтобы он пожалел о своей нелегкой доле. Просто ему приятно вспомнить о былом — побед ведь было гораздо больше, чем неудач.

И он отвечает журналистам:

— Да, я никогда не жалел о том, что стал вратарем.

— Скажите, Владислав, сколько раз вступает в игру хоккейный голкипер?

— За матч? В среднем 40 раз. Впрочем, что значит — вступать в игру? По сути дела, голкипер каждую секунду в игре: следит за шайбой и хоккеистами, анализирует ситуации и принимает решения, перемещается.

**Передышки в матче
бывают редко**

**Игра для вратаря
продолжается все
60 минут**

— Получали ли вы серьезные травмы?

— К счастью, нет. Раньше бывало представление, будто хоккейный вратарь обязательно весь иссечен шрамами. Это выдумки. Если ты умеешь ловить шайбы и следить за своим снаряжением, тебе нечего бояться травм. Но что шайба бьет больно — это точно. Могу засвидетельствовать: порой никакие щитки не спасают от сильных бросков. Я видел, как взрослые вратари плакали от боли.

— Правда ли, что в хоккейную школу вас привела мама?

— Да, мама у меня очень спортивный человек. Она по профессии школьный учитель физкультуры. Когда-то в довоенные годы сама играла в хоккей с мячом — в женской команде «Металлург».

Благодаря маме я рано познакомился со спортом. Занимался лыжами, плаванием, прыжками в воду, легкой атлетикой. Думаю, что благодаря этому мне удалось выдержать конкурс при поступлении в хоккейную школу ЦСКА. А конкурс был нелегким: на каждое место претендовало по 20 мальчишек.

— Кто ваш первый тренер?

— Виталий Георгиевич Ерфилов.

— Было ли вам когда-нибудь страшно?

— Было, и не один раз. Особенно в первые годы, когда я шарахался от каждой летящей в мою сторону шайбы или бросался на нее с закрытыми глазами. Да и сейчас страх может возникнуть, ведь шайба с годами не становится легче, а боль от ударов меньше. Но другое дело, что сейчас я научился контролировать себя, подавлять отрицательные эмоции, такие, как боль, страх.

— Есть ли у вас идеал в спорте?

— Пример бескорыстного, мужественного служения хоккею для меня — Виктор Коноваленко.

Не на пустом месте появился у нас чудо-вратарь. Не просто взял да и вырос, сам по себе, на горе иноземным форвардам. Его олимпийские победы начинались на школьной спортплощадке, на лыжне в Серебряном бору, на спартакиаде в пионерском лагере. Недаром и по сей день рядом с золотыми наградами Саппоро и Инсбрука Третьяк хранит скромные грамоты, полученные за победы в школьных соревнованиях по лыжам и легкой атлетике. И есть второе, не менее важное, обстоятельство. Оно связано уже с хоккейным становлением нашего героя. Владислав стал достойным продолжателем славных традиций вратарской школы отечественного хоккея. Школы, заложенной некогда Григорием Мкртчяном. Традиций, унаследованных от Николая Пучкова и Виктора Коноваленко.

Теперь пора назвать еще одного человека, прямо причастного к рождению феномена. «Крестным отцом» Владислава Третьяка стал Анатолий Владимирович Тарасов. Знакомство с ним — это новая глава в биографии вратаря. Но прежде чем перейти к ней — маленькое отступление.

После серии встреч сборной СССР с сильнейшими хоккеистами НХЛ в 1972 году канадский журналист Жак Людвиг написал книгу под названием «Хоккейные вечера в Москве». Это, по сути, книга-репортаж о восьми матчах между советскими и канадскими хоккеистами. Есть в ней любопытные строчки: «Все подчеркивают уравновешенность и уверенность Третьяка. Я наблюдал за тем, как он вел себя, когда шайба находилась всего в четырех футах от ворот и шесть или семь клюшек пытались достать ее. Третьяк стоял в классической позе и не реагировал ни на какие уловки, а когда шайба полетела в угол его ворот, он был начеку и отразил ее. Уравновешенность и уверенность Третьяка — одни из

А это совсем редкий момент из жизни вратаря. Третьяк на скамье запасных. Все ясно: армейцы ведут в счете, в воротах стоит дублер, настроение превосходное

важнейших качеств, которые есть у всех русских игроков. Все они получили блестящее хоккейное воспитание».

Верно заметил канадский обозреватель насчет воспитания. Оно у вратаря сборной СССР самое что ни на есть фундаментальное. И хотя учебников по вратарскому мастерству у нас не издавалось (возможно, сам Третьяк восполнит этот пробел), тем не менее учился Владислав по всем правилам высшей хоккейной науки.

У тренера Тарасова особый дар распознавать незаурядных людей. Ошибался он редко. И коли видел, что из мальчишки выйдет толк, загорался в тренерской душе тот яростный педагогический огонь, в котором и проходили закалку будущие хоккеисты-«звезды».

Анатолий Владимирович любил ставить перед собой сверхзадачи. Скажем, создать не просто хорошую тройку нападающих, а такую, подобную которой еще не знал хоккейный мир; вырастить не просто заметного защитника, а такого, чтобы все ахнули.

Теперь доподлинно известно: начав заниматься с Третьяком, Тарасов решил сделать из него лучшего в мире вратаря. Он сказал об этом не только себе, но и своему ученику. Наверное, это может показаться неправдоподобным, но 15-летний щуплый, с длинной шеей мальчишка сразу поверил в такую далекую, такую сказочную цель. И годы жил с этой верой мальчишка, а потом знаменитый вратарь Владислав Третьяк.

Прежде чем приступить к работе, Тарасов по своему обыкновению выработал целый свод теоретических положений о том, каким должен быть вратарь его мечты. Тренер не только полагался на традиции прошлого, не только опирался на свой собственный опыт, но и придирчиво отбирал все ценное из опыта лучших голкиперов канадского профессионального хоккея.

Его выводы вкратце можно сформулировать так: необходимо усовершенствовать многие элементы техники и тактики игры вратаря (Тарасов четко представлял себе, как это сделать); повысить общую культуру игры; укрепить авторитет вратаря в команде («центральная фигура!»); выработать у голкипера высокоразвитое чувство интуиции, умение быстро и четко анализировать действия соперников. Все здесь важно и взаимосвязано, но давайте обратим внимание лишь на воплощение последнего положения тарасовской программы-максимума.

Его воспитанник Третьяк никогда не играет по шаблону. Он — будто живой компьютер — сначала «прогонит» в голове всю информацию, связанную с конкретной обстановкой на льду, а уже потом принимает решение. Он учитывает при этом множество условий. С какой точки вероятнее всего будет сделан бросок? В какую часть ворот полетит шайба? Кто из своих игроков сейчас на льду? Кто из соперников атакует его? («Ага, Хендерсон — этот наверняка незатейливо бросит», «А это кто там крадется в мою сторону? Бобби Халл? Значит, сейчас ему последует передача, и Халл не станет медлить», «Мартинец с шайбой? Наверняка попробует обвести — будь начеку!»).

И вся эта информация «обрабатывается» мгновенно, автоматически, в доли секунды. Хоккей — стремительная игра, а шайба летит со скоростью самолета.

Если сегодня технику Третьяка называют самой совершенной, то пришел он к ней в первую очередь именно через рациональное осмысление всех своих действий, глубокий самоанализ, критический подход к игре. Увы, многие голкиперы и по сей день бездумно отбивают шайбы, делая при этом много ненужных движений, тратя массу энергии, совершая ошибки, которые в конечном итоге оборачиваются голами.

Бывает, что за весь матч вратарь так и не дотронется до шайбы, но напряжение он испытывает такое, что сил еле хватает дойти до раздевалки

Третьяк же действует сегодня практически без промахов. Кому-то это может показаться преувеличением, но спросите любого вратаря, и он подтвердит сказанное. Как объяснить тогда, что шайбы все же влетают в его ворота?

Это нетрудно.

Бывают, во-первых, броски, которые ни один вратарь в мире парировать не в состоянии — человеческой реакции на это не хватит. Во-вторых, большинство шайб попадает в ворота после добиваний. Они скорее на совести защитников.

Да, можно объяснить, почему шайбы влетают в ворота Третьяка. Но сам он меньше всего склонен успокаивать себя этими объяснениями. Каждый гол, без преувеличения, для него ЧП.

Бывало, раньше, мальчишкой, после поражений Владик не мог сдержать слез. И став взрослым, вратарь тяжело переживает неудачи. Они, эти неудачи, камнем ложатся на душу, мешая уснуть, вызывая горечь и неудовлетворенность собой.

В восемнадцать лет Третьяку доверили защищать честь советского спортивного флага на мировом чемпионате. В двадцать он выступал в матчах против НХЛ, а спецы профессионального хоккея называли его «русским чудом». В двадцать два его признали первым голкипером мирового первенства. Трижды подряд Третьяк — хоккеист № 1 в Советском Союзе. Он лучший среди лучших — в этом сомнений нет. Но это же заставляет его тренироваться еще упорнее.

Интересно, о чем «говорит» Третьяку эта огромная касатка из океанариума Сан-Диего! Тоже восхищается его мастерством!

Владислав любит играть при переполненных трибунах. Когда атмосфера накалена не только на льду, но и на скамьях для зрителей, когда от шума не слышно собственного голоса и кажется, вот-вот рухнет потолок. Тогда он чувствует особый прилив сил.

«Существует такое понятие — контакт с аудиторией,— говорит Третьяк.— Так вот, я наилучшим образом ощущаю этот контакт, эту приподнятость, это вдохновение в том случае, если многотысячный зал не отрываясь следит за моими воротами, жаждет увидеть (или, напротив, не увидеть) в них черный каучуковый кругляш, а я ловлю его, отбиваю его, грудью падаю на него. Трибуны дружно вздыхают

или аплодируют — эти звуки как допинг для меня». Не правда ли, еще одна яркая черточка к портрету вратаря. Ему доставляет удовольствие играть для людей, для нас с вами, а когда люди равнодушны к его мастерству, он хочет сыграть лучше, чем умеет.

Итак, стихия Третьяка — кипящий страстями каток. Однако отметим в его вратарской биографии один необыкновенный и малоизвестный случай, когда ему приходилось отстаивать свои ворота... при абсолютно пустых трибунах. Да, да, там не было ровным счетом ни одного человека. Ни одного! А какие звезды выходили тогда на лед вместе с Третьяком! Какое изумительное хоккейное умение они показывали!

Вот он — миг, когда команда с надеждой смотрит на вратаря

**Владислав
Третьяк**

И ни один зритель не видел этого. Дуэль знаменитого вратаря и супер-форвардов проходила в полной тишине.

А случилось это осенью 1976 года в Канаде.

Дело в том, что канадское телевидение ежегодно устраивает своеобразное соревнование лучших профессиональных вратарей и нападающих. По условиям «шоу-даун» (так это называется), все происходит в обстановке строжайшей тайны. Голкиперы и форварды собираются на одном из укромных катков и начинают свои дуэли, которые телевидение записывает на видеопленку и затем, во время трансляции матчей финала Кубка Стэнли, эту запись в течение многих вечеров, как бы растягивая удовольствие, демонстрируют зрителям. Со всех участников «шоу-даун» берут клятву не разглашать до весны результатов соревнования.

В семьдесят шестом году участвовать в этом необычном турнире наряду с профессионалами впервые были приглашены сильнейшие любительские хоккеисты. На маленьком катке близ Торонто собрались восемь вратарей и шестнадцать полевых игроков — самые яркие звезды Старого и Нового Света.

Сначала проходило состязание форвардов — в искусстве обводки, точности броска, быстроты и реакции. Условия задавались очень трудные — никто из участников не избежал ошибок. Представьте себе: судьи измеряли и учитывали даже скорость брошенной по воротам шайбы. Это делалось с помощью специального прибора, наподобие того, каким вооружены у нас автоинспекторы.

Потом пришла пора поволноваться вратарям. По жребию первым ворота Третьяка атаковали Потвин и Лярош.

Каждому из них давалось по три попытки. Канадцы смогли стопроцентно использовать только две. Чехословацкий вратарь Холечек пропустил пять шайб. Швед Эстрем — три. Финский голкипер Леппинен — тоже три.

В следующем «раунде», когда против Третьяка играли Ситлер и Грант, Владислав из шести бросков не смог парировать лишь один. Снова счет был в его пользу.

На другой день наступили решающие поединки.

В финал у европейцев вышли форвард ЧССР Глинка и вратарь Третьяк, из канадских профессионалов — вратарь Стивенсон и нападающий Грант. Канадский голкипер пропустил две шайбы.

Теперь в ворота встал Владислав. Про себя он решил не только выиграть, но и установить рекорд «шоу-даун».

И установил — шесть из шести попыток закончились в пользу Третьяка. С тех пор профессионалы окончательно признали за Третьяком право называться сильнейшим вратарем мира. Вообще, Владислав — человек чрезвычайно популярный по ту сторону океана. Канадские мальчишки любят его ничуть не меньше, чем Бобби Халла. Такой факт: дневниковые записи Третьяка о матчах с профессионалами, переведенные в Канаде и США, изданы тиражом бестселлеров. «Прекрасный подарок, а для мальчишек в особенности, — писали об этой книге газеты. — Те, кто увлекается спортом, узнают немало поучительного — и не только о хоккее — от вратаря, которого не без оснований называют лучшим в мире.

Как видите, мужество, мастерство, высокие человеческие качества в цене по обе стороны океана, у народов всех стран. — Кого из зарубежных вратарей вы считаете самым лучшим? — интересуются у Третьяка.

— На мой взгляд, это Джерри Чиверс — голкипер, которого у нас знают по выступлению за сборную ВХА в 1974 году.

— Когда вы уйдете из хоккея?

— Сразу, как только почувствую, что пора уступить дорогу более молодым и более способным вратарям. Но, кажется, пока я никому не мешаю.

— Испытываете ли вы удовольствие от своих действий на льду?

— Да. Бывает, возьмешь трудную, или «мертвую», как у нас говорят, шайбу, и у тебя прямо мурашки по коже пробегут: «Взял!» Это непередаваемое ощущение. Но чаще я все же бываю недоволен тем, как сыграл. Да это, наверное, и нездорово, когда человек все время собой доволен.

— Опасно ли стоять в воротах?

— Уверен, что моя «должность» в хоккее не более опасная, чем любая другая. Большинство травм вратарь получает не в матчах, а на тренировках, когда, бывает, шайбы сыплются в ворота со всех сторон — не успеваешь на них реагировать. На разминке в створ ворот влетает более ста шайб.

— Сколько времени вам требуется, чтобы облачиться в хоккейную амуницию?

— Если не спеша, то 10—15 минут.

— Можете ли вы заранее определить, в какую часть ворот и с какой силой будет сделан бросок?

— Могу, когда игрок делает замах клюшкой. Ошибаюсь при этом редко. Знаю только двух хоккеистов, которые могли бросить шайбу со страшной силой без всякого замаха — одной кистью. Это Анатолий Фирсов и Бобби Халл. Отражать их броски для вратаря — целая проблема. Знаю, что, когда Фирсов делал свой знаменитый «щелчок», некоторые голкиперы просто закрывали глаза.

— Что вы считаете главным в спорте?

— В любом виде человеческой деятельности главное —

целеустремленный, самоотверженный труд. Это прописная истина, и я напомнил ее лишь потому, что своими успехами целиком обязан труду. Анатолий Владимирович Тарасов научил меня тренироваться так: 30 минут до общей тренировки, 2 часа вместе со всеми и 30 минут после окончания тренировки. Могут сказать: повезло, дескать, Третьяку — у такого мастера проходил курс наук. Слов нет, повезло. Но ведь не один он надевал в те годы армейскую форму и смело шагал в ворота, осыпаемый градом шайб. Были и другие способные ученики у армейских тренеров. А в выдающиеся вратари вышел только он. И объяснение этому надо искать не столько в необыкновенной одаренности Владислава, сколько в его характере. Характер — вот

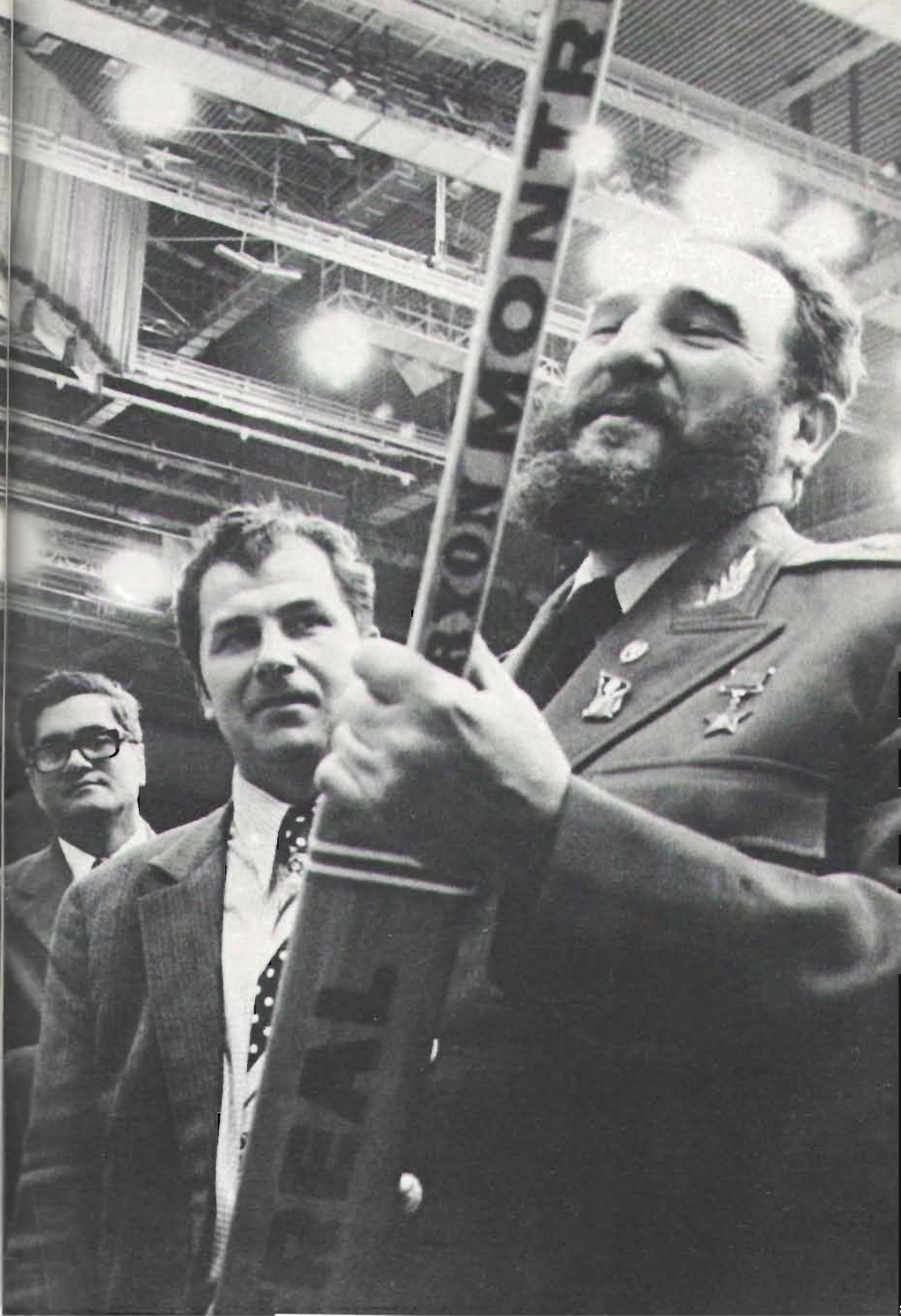

Две семьи: дружная команда армейцев и славная семья Третьяков: маленький Дима, Владислав, Татьяна

ключ к разгадке феномена. Преданность спорту, высочайшее чувство ответственности, необыкновенное трудолюбие и мужество — вот слагаемые его характера.

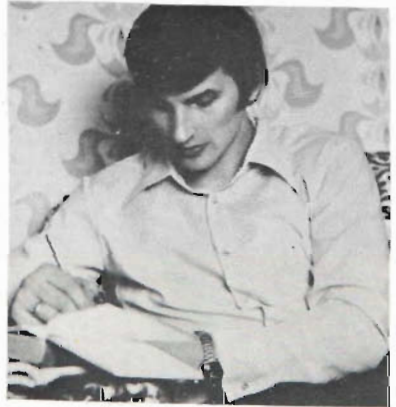
Что ж, скажет снова иной недоверчивый читатель, эти качества, за редким исключением, присущи всем спортсменам высокого класса. Правильно, всем. Но когда они возведены в абсолют (а встречается это чрезвычайно редко), тогда атлет просто высокого класса становится истинно выдающимся.

Можно много рассказывать о том, как тренировался Третьяк в первые годы учебы в ЦСКА, как тренируется он сейчас. Фанатизм удивительный! За всю свою хоккейную жизнь он не пропустил ни одного занятия, не выкурил ни одной сигареты, ни разу — ни в большом, ни в малом — не подвел своих товарищей и тренеров. Недаром Третьяк пользуется таким авторитетом и в сборной, и в клубе. Он — комсорг, член тренерского совета. К его мнению уважительно относятся умудренные жизнью наставники. Однако будет ошибкой относить все это лишь на счет чисто спортивных качеств нашего героя. Интересы Третьяка выходят далеко за рамки ледяного поля. Он с отличием закончил институт физкультуры и теперь собирается стать аспирантом.

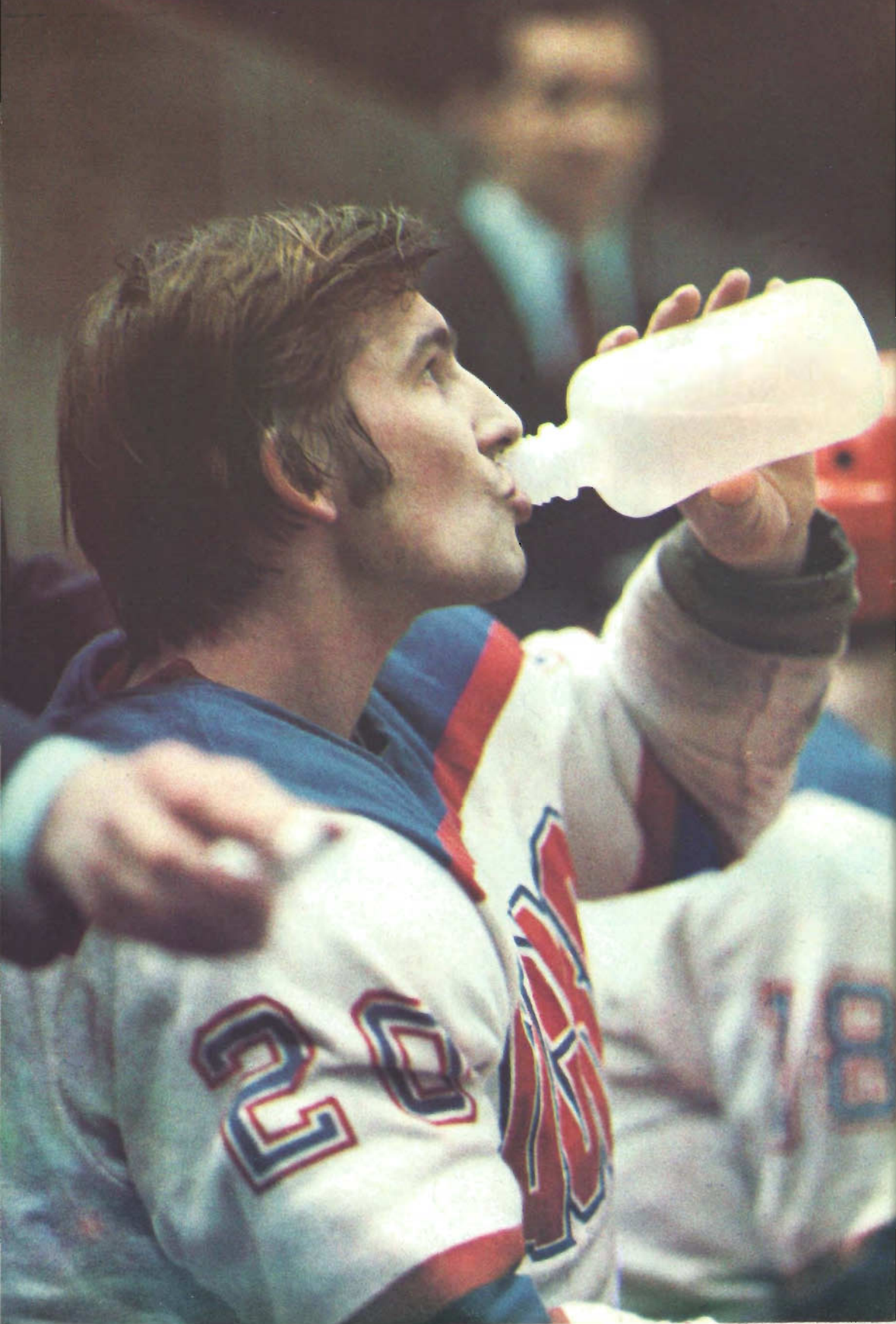

Его занимает психология большого спорта, волнуют тайны постижения высшего мастерства, он хочет понять, где же границы человеческих возможностей. Записи, которые он ведет, полны интересных, неожиданных мыслей. Веселый и общительный в кругу друзей, Третьяк не пропустит ни одной премьеры в театре, а его домашней библиотеке можно позавидовать.

В общем-то, по своей натуре он домосед. Владиславу нравится возиться с крошечной дочерью Иринкой, читать сказки четырехлетнему Димке, помогать по хозяйству жене. Но как же редко выпадают такие минуты! Хоккейная жизнь сурова... Летом — месяц на отпуск. Обычно они с Татьяной уезжают куда-нибудь на юг, к теплому морю. Здесь ничто не напоминает о хоккее. Но каждый раз где-то на исходе второй недели Владислав чувствует, как в нем опять просыпается вратарь. Он слышит призывный гул трибун и знакомый перестук клюшек. Половина отпуска еще впереди, но Третьяк уже начинает тренироваться — понемногу, один, с каждым днем чувствуя, как наливаются сталью мышцы. В Москву он возвращается загоревшим, бодрым, истосковавшимся по хоккею, готовым к борьбе.

— Как относится к хоккею ваша жена?

— Она прекрасно понимает, что если я буду плохо тренироваться или поеду на игру в скверном настроении, то могу подвести не столько самого себя, сколько своих товарищей, клуб или сборную. Поэтому она делает все, чтобы помочь мне. Нет, моя жена вовсе не болельщица. Она от большого спорта далека, по образованию Татьяна преподаватель-филолог.

— Хотите ли вы, чтобы ваш сын тоже стал вратарем?

— Димке еще рановато думать о том, кем он станет. Вырастет — пусть решает сам.

— Вратарю, наверное, приходится особенно много нервничать?

— Не знаю как другим, а мне — предостаточно. И знаете, в каких встречах нервничаешь больше всего? В тех, когда твои ворота почти не обстреливают. Стоишь и ждешь ее, шайбу, ждешь... Расслабиться нельзя ни на секунду, потому что именно в эту секунду по какой-то непостижимой логике она обязательно влетит в ворота. Бывают игры, когда до шайбы дотронешься всего раза три, но зато устаешь смертельно. В обычном матче проще: тебе бросают — ты отбиваешь. Дело привычное.

— Какую роль в игре вы отводите вдохновению?

— Когда говорят, что спорт сродни искусству, то имеют в виду творческую сторону игры, импровизацию. Творить на льду — вот к чему надо стремиться. А творчество без вдохновения бескрыло. Я люблю играть при переполненных трибунах. Когда каждую твою удачу зрители встречают вздохом удивления и радости, тогда и силы словно удваиваются, все тебе удается.

— Что вы можете сказать о своих коллегах-вратарях?

— Нет в спорте более трудной «должности», чем наша. Знаете, что я вам скажу: я не встречал среди вратарей плохих людей. Человек неуравновешенный, ненадежный, злой никогда не сможет защищать ворота, каким бы талантом он ни обладал.

— Кого вы ругаете, пропустив гол, — себя или соперника?

— Себя.

— Самые торжественные мгновения в вашей жизни?

— Участие в работе XVII съезда ВЛКСМ.

Это было в 1974 году. Сборная СССР только что стала 13-кратным чемпионом мира. Поезд из Хельсинки пришел рано утром. Прямо

с вокзала, едва успев забежать домой переодеться, Владислав поехал в Кремль, на съезд. Сердце билось сильнее, чем перед самым важным матчем. Ему, вратарю сборной СССР, офицеру Советской Армии, доверили право выступить с высокой трибуны съезда. Выступить от имени многомиллионной армии наших спортсменов. В президиуме съезда — члены Политбюро ЦК КПСС, видные государственные и общественные деятели, герои комсомола. В зале — лучшие представители советской молодежи. Владислав поднялся на трибуну. Зал встретил его аплодисментами. «Это благодарность всей нашей команде», — подумал Третьяк. Волнение не покидало его. Выждав, пока наступит тишина, высоким и звонким голосом Владислав начал свое выступление:

— Мы идем в спортивное сражение, зная, что победить сумеет тот, кто беззаветно любит свою Родину. Молодежь и спорт неразделимы. Комсомол всегда был и будет душой советского спорта.

На съезде Владислав Третьяк был избран членом Центрального Комитета ВЛКСМ. Забот прибавилось. Комсорг клуба и сборной, а вот теперь — член ЦК комсомола. Надо везде успеть, все сделать не просто хорошо, а отлично. Иначе он не может — это одна из главных черт его характера. Он ни в чем не согрешит, не оплошает — ни на льду, ни в обыденной жизни. Всегда подтянут, деловит. Дал слово — обязательно сдержит его.

Свою задачу члена ЦК Ленинского комсомола Владислав видит прежде всего в том, чтобы помогать воспитанию физически закаленных, смелых, решительных молодых людей, способствовать развитию нашего хоккея, пропагандировать физическую культуру и спорт. Каждый день дежурный во Дворце спорта ЦСКА вручает ему увесистую пачку писем. Мельком пробежав глазами адреса, Владислав аккуратно прячет их в сумку и своей неторопливой, чуть вразвалочку, походкой идет готовиться к тренировке. На льду Третьяк сосредоточен и собран, его ничто не может отвлечь от дела. Он тренируется так же истова, как и в первые годы. Снова шайбы градом летят в его ворота, и каждую он хочет отбить. Снова он последним уходит с площадки. Наконец выпадает свободное время. Владислав достает из сумки письма.

Он уже давно вышел из того возраста, когда письма болельщиков, известность и внимание приятно кружат голову, щекочут самолюбие. Третьяк спокоен, если не сказать — равнодушно, относится к своей славе. А письма? Ну это совсем другое дело. Он прочтет их все. Он знает: где-то там — в Кирове или Краснодаре, Хабаровске или Елабуге — с нетерпением, волнением и надеждой ждут его ответа.

О чем только не спрашивают Третьяка его юные корреспонденты! Как нужно тренироваться, чтобы стать таким же умелым хоккеистом? Как выработать отвагу и мужество? С чего начать организацию соревнований на приз «Золотая шайба»? Как правильно залить хоккейную площадку? Не поздно ли начать заниматься спортом в 16 лет? Где купить вратарскую клюшку? Владислав долго и внимательно читает свою почту, что-то выписывает из писем в блокнот, размышляя, как лучше ответить своим друзьям.

Одним он отвечает тут же, вопросы других встречаются столь часто, что Третьяк решает сесть за серьезную статью в газету. Иначе он не привык. Он знает: сегодняшние мальчишки завтра придут на смену им, чемпионам. Так пусть же смена растет достойной!

Утром Третьяк позвонит в Центральный Комитет ВЛКСМ или в «Комсомольскую правду», скажет: «Давайте вместе поможем мальчишкам. Пора, наконец, в достатке обеспечивать их клюшками».

Его общественная активность определяется участием в работе штаба Всесоюзного клуба «Золотая шайба», регулярными встречами с молодежью заводов истроек, яркими выступлениями на комсомольских форумах, будь это собрание команды или пленум ЦК.

...А наша пресс-конференция подходит к концу.

— Интересно, кого из нападающих вы опасаетесь больше всех других?

— Мне часто задают этот вопрос. Видимо, каждый хочет услышать в ответ фамилию своего любимого форварда. Но, поверьте, я никого не боюсь. Я просто не могу себе этого позволить. Гораздо полезнее изучать сильные и слабые стороны бомбардиров, чтобы подстраивать свою тактику под каждого из них. Впрочем, могу назвать самого лучшего нападающего в сегодняшнем хоккее — это Валерий Харламов.

— Стала ли с годами лучше ваша интуиция?

— Конечно. Ведь ее развитию помогает опыт.

— Мешает ли маска видеть поле?

— Нет, она меня совершенно не стесняет. Я настолько привык к маске, что даже по улицам мог бы ходить в ней совершенно свободно.

— Как вы относитесь к судьям?

— Как бы это объяснить... Ревниво, что ли. Я понимаю, что им нелегко, что они — обыкновенные люди, которые не застрахованы от ошибок. И тем не менее... Поймите: хоккейная борьба столь азартна и безжалостна, что в пылу схватки простить судейскую оплошность бывает очень трудно.

— Кого из известных атлетов, представляющих другие виды спорта, вы склонны уважать больше всех?

— Конкретного человека назвать не берусь. Я уверен, что все чемпионы страны, мира, олимпийских игр достойны уважения. Ведь стать первым в сегодняшнем спорте так трудно!

— Какой матч был для вас самым неудачным?

...Еще недавно Третьяк, когда ему задавали такой вопрос, рассказывал о последнем поединке со сборной профессионалов НХЛ в 1972 году. Тогда Хендерсон за 15 секунд до финального свистка забросил в его ворота шайбу, решившую в пользу канадцев исход не только матча, но и всей серии. Еще недавно... Но вот состоялся чемпионат мира по хоккею в Вене, и сборная СССР вернулась оттуда — неслыханное дело! — всего лишь с бронзой. Что и говорить, сюрприз не из приятных.

Подождем торопить Третьяка с ответом на вопрос о причинах поражения, не будем заставлять его называть самый плохой матч. Пусть улягутся страсти, пусть наш вратарь, его товарищи и тренеры спокойно обдумают причины неудач, принципиально выскажутся о них. Мы же в этой связи отметим следующее.

Много лет Владислава Третьяка называют незаменимым. Он незаменим и в клубе, и в сборной. Незаменим и в матчах с канадцами, и во встречах с саратовским «Кристаллом». Он столько раз спасал, выручал, показывал игру за гранью человеческих возможностей, что все это нам стало казаться делом обычным. Третьяк настолько приучил нас к чудесам, что, стоило ему один раз сыграть без чудес — стойко, уверенно, хорошо, но без чудес, — и сразу начались упреки.

Несправедливые упреки. Не из железа же в самом деле сделан этот высокий парень. Не из проволоки скручены его нервы. Ни один вратарь мира за девять лет не провел столько матчей, сколько Третьяк, не отразил такого множества шайб, не заслужил столько аплодисментов.

Как видите, потребовался горький урок, чтобы понять это. Хочется верить, что теперь-то тренеры станут бережнее относиться к таланту нашего лучшего вратаря.

Уже несколько лет Владислав работает над книгой. Она будет обращена к молодежи, к его ровесникам. Третьяк мечтает рассказать о самых ярких эпизодах в истории нашего хоккея, свидетелем и участником которых ему довелось стать.

— На примерах своих товарищей я попытаюсь показать главные черты советского спортивного характера,— говорит Владислав.— Такие, как мужество, благородство, воля к победе, патриотизм. Вот несколько строк из этой книги:

«Наверное, я очень счастливый человек. В 26 лет мне довелось пройти сквозь горячие сражения двух Олимпиад, семи мировых чемпионатов, четырех серий встреч с профессионалами. Кому-то этого хватило бы на целую жизнь. Но ведь мне только двадцать шесть. Всего двадцать шесть. И я совсем не устал от хоккея. Игра с каждым разом открывается мне какой-то новой гранью.

Я постигаю хоккей, учусь хоккею. А если вспомнить, что пределов совершенству нет, то учиться мне еще долго. И в этом — в постижении тайн мастерства, в каждодневном ожидании борьбы и победы — я вижу смысл своей спортивной жизни.

Институт позади, и, возможно, я буду тренером. Мне нравится возиться с мальчишками, видеть, как они вырастают умелыми и отважными. Но, впрочем, кем бы я ни стал, хоккей навсегда останется со мной как самая яркая часть жизни.

Я не прощаюсь с тобой, читатель. У нас впереди еще много встреч. Я опускаю на лицо маску и выхожу на лед. Взволнованно гудят трибуны. Сейчас прозвучит свисток и начнется хоккей. Хоккей, который я люблю».

Вот и весь рассказ о нашем герое. Возможно, теперь, увидев его в воротах, вам будет легче понять, откуда в этом человеке столько силы и храбрости, как достиг он столь изумительного мастерства.

Хорошо, что у наших мальчишек есть кумир по имени Владислав Третьяк.

Родился 25 апреля 1952 года в Московской области. Военно-служаший. Вратарь ЦСКА, за который выступает с 1969 года. С 1970 года входит в состав сборной СССР. Двукратный олимпийский чемпион [1972 и 1976 гг.]. Пятикратный чемпион мира [1970, 1971, 1973, 1974, 1975 гг.]. Семикратный чемпион СССР.

На XVII съезде комсомола избран членом ЦК ВЛКСМ. В 1975 году награжден орденом «Знак Почета». По итогам чемпионата мира 1974 года в Хельсинки признан лучшим вратарем. Участник большинства матчей сборной СССР и ЦСКА с канадскими профессионалами [1972, 1974, 1976, 1977 гг.]. Три сезона подряд признавался лучшим хоккеистом страны.

Окончил Московский филиал Смоленского института физкультуры.

7А8.6
С54

Серия «Герои олимпийских игр»

ВЛАДИСЛАВ ТРЕТЬЯК

(Издание получило диплом Оргкомитета «Олимпиада-80»)

Автор-составитель

Владимир Николаевич Снегирев

Заведующий редакцией В. Л. Штейнбах. Редактор В. Ф. Пугачев. Художественный редактор А. Ю. Лянганенко. Технический редактор Н. А. Сурацкова. Корректор Л. В. Чернова. ИБ № 512. Сдано в набор 5.08.77. Подписано в печать 19.04.78. А 00407. Формат 70×100/16. Бумага мелов. Гарнитура «Журнально-рубленая». Печать офсетная. Усл. печ. л. 3,9. Уч.-изд. л. 6,72. Тираж 100 000 экз. Изд. № 5810. Зак. № 3098. Цена 1 р. 90 к. Ордена «Знак Почета» издательство «Физкультура и спорт» Государственного комитета Совета Министров СССР по делам издательства, полиграфии и книжной торговли. 103006, Москва, Калевская ул., 27.

Московская типография № 5 Союзполиграфпрома при Государственном комитете Совета Министров СССР по делам издательства, полиграфии и книжной торговли. Москва, Мало-Московская, 21.

С 60902-143
009[01]-78 БЗ 106-17-1977

Герои
олимпийских
игр

**Владислав
ТРЕТЬЯК**

«Нет в спорте более трудной
и благородной должности,
чем наша, вратарская.
Главное качество
хоккейного голкипера —
умение выстоять.
Как бы трудно
и больно тебе ни было,
вытерпеть и выстоять.
Учитесь этому».

A handwritten signature in black ink, appearing to read 'B. Tretyak'.

Издательство
«Физкультура и спорт» —
официальный издатель
литературы
Организационного комитета
Игр XXII Олимпиады
в г. Москве